
Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России

Э.А. ПАИН*

*Эмиль Абрамович Паин – доктор политических наук, кандидат исторических наук (этнология), ведущий научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, painea@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>

Цитирование: Паин Э.А. (2024) Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России // Мир России. Т. 33. № 1. С. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28

Аннотация

В статье анализируются изменения базовых понятий этнологии – «нация» и «этнос», а также производных от них («национальность», «этничность», «этнография» «этнология») за два века исторических наблюдений в России. Показан волнообразный характер эволюции идеи нации в Российской империи, СССР и Российской Федерации. Этот термин зародился как политический концепт, затем обрел этнический смысл, а в постсоветское время вновь проявилось его политическое содержание. По мере того как понятие «нация» теряет этническое значение, возникает необходимость в уточнении понятия «этнос» для обозначения этнокультурных общностей. Вместе с тем новые идеи и терминология с трудом проникают в массовое сознание, государственный и научный дискурс. В государственных документах современной России традиционная этническая трактовка понятия «нация» сохраняется и переплетается с политической. В науке понятие «этнос» в одни времена приобретало главенствующую роль в этнографической теории, а в другие оценивалось как нежелательное. В повседневном дискурсе плохо приживается гражданское осмысление нации. Автор анализирует политические, психологические и культурные обстоятельства, препятствующие или способствующие утверждению этнологических понятий в российском дискурсе.

Ключевые слова: нелинейная эволюция, нация, национальность, этнос, этничность, этнография, этнология

Введение

Слова «нация» и «этнос» на латинском и древнегреческом языках означают одно и то же – народ, однако исторически они различаются как в научной традиции, так и в государственном управлении: оба слова (и производные от них) появились в русском языке почти одновременно – в конце XVIII в. или начале XIX в., но судьба этих терминов в России оказалась разной. «Этнос» почти два века оставался достоянием лишь науки этнографии, но и в ней долгое время использовался крайне ограниченно, тогда как термин «нация» оказался в эпицентре политических баталий, выступая предметом не только научных дискуссий, но и политических конфликтов. Однако с середины 1980-х гг. начался процесс, до сих пор слабо осознанный в российском обществоведении. Мы имеем в виду экспансию терминов, производных от слова «этнос», в сферы, казалось бы, навсегда занятые словами, производными от слова «нация». В это время *национальные* языки и традиции народов мира стали называть *этническими*, а *межнациональные* браки и конфликты все чаще определялись как *межэтнические*, и это далеко не все изменения. Наиболее последовательно вытеснение старых терминов и замена их новыми, отражающими этнические признаки, происходят в российской академической среде прежде всего в таких отраслях общественных наук, как этнология, социология, демография и политология. В государственных документах России сохраняется путаница в употреблении указанных терминов. В «Стратегии государственной национальной политики России до 2025 г.» понятия «этничность» и «национальность», «межэтнические» и «межнациональные отношения» по-прежнему используются как тождественные. Менее всего терминологические изменения затронули бытовую речь, где термины, производные от слова «нация», прочно удерживают свои доминирующие позиции, препятствуя проникновению в русский язык слов, производных от корня «этнос».

Нам предстоит разобраться в изменениях и переплетениях терминов, понятий и их трактовок, используемых на протяжении трех периодов российской истории, чтобы распознать в исторической динамике концепций этнологии важные сдвиги не только в научных, но и в социально-политических представлениях.

Мы полагаем, что понятия «этнос» и «нация» взаимосвязаны, но различаются онтологически и гносеологически, имеют разные аналитические функции в изучении общественных явлений. Они характеризуют собой две разновидности сообществ, к которым в равной мере применима метафора «воображаемые» [Андерсон 2001]. Этническое «мы» является социокультурным феноменом, оно восходит к мифологизированным представлениям об общем историческом происхождении, а национальное «мы» рассматривается нами как явление социально-политическое, связанное с представлением об общем гражданстве и правом народа (нации) на политическое самоопределение в конкретном государстве. Последовательные выделение и разделение этнокультурных и этнополитических терминов представляются, на наш взгляд, отражением пока мало осмысленного фундаментального процесса, связанного с социальной и политической модернизацией. Этот процесс носит глобальный характер, и первым его проявлением стало вытеснение древнейшей этнической модели нации моделью политической, сформировавшейся в эпоху модерна.

Известное с античных времен слово «нация» несколько веков сохраняло в Европе свой исходный этнокультурный смысл, близкий к понятию «племя», но в XVI–XVIII вв. на континенте начала распространяться новая политическая трактовка этого понятия. Раньше, чем в других странах, она проявилась в Англии – уже в XVI в. [Greenfeld 1993]. В это время на британских островах, еще разделенных на два королевства, совокупность факторов обусловила изменения в идентификации населения: племенная (этническая) самоидентификация (англичане, шотландцы, ирландцы и другие) стала уступать место идентичности *этактистской*, отражающей связь населения с монархическим государством – «жители одной страны, подданные одного короля». Однако образцом для подражания в мире в наибольшей мере послужила не английская, а французская, *гражданская* модель политической нации. Она также отошла от этно-племенного принципа идентификации людей, но отражала объединение народа не монархией, а идеей народного суверенитета и подчеркивала ведущую роль институтов народного представительства в национальной консолидации общества. Французская модель, появившаяся в XVIII в., сразу же получила широкое распространение в мире:

- в том же веке она нашла отражение в Конституции США;

- в начале XIX в. идея нации, основанной на народном представительстве, была воспроизведена в Конституции Швейцарской республики, а также в ряде политических проектов Российской империи;

- к середине XIX в. парадигма самоопределяющейся, гражданской, политической нации стала доминирующей и в Великобритании – по мере укрепления в этой стране народного суверенитета, проявившегося, например, в росте признаков подотчетности британского правительства не столько монарху, сколько палате общин, нижней палате британского парламента [Айзенштадт 2009].

Иная траектория формирования нации обозначилась в истории Германии, где древнейшая этнокультурная трактовка нации оказалась весьма устойчивой. Факторы, затруднявшие формирование единого немецкого государства, препятствовали тому, чтобы немцы, разделенные политическими границами, живущие в многочисленных германских королевствах, получили возможность осознавать свое общее гражданское и государственно-политическое единство. До образования Германской империи в 1871 г. единственной нитью, связующей немецкое общество в нацию, выступала лишь немецкая культура – общность языка, культурных традиций и исторической памяти. Это во многом объясняет длительное доминирование в Германии *этнокультурного* определения нации.

В 1911 г. Фридрих Майнеке сформулировал различие между двумя основными моделями нации, сложившимися к началу XX в. Первой он назвал тот тип нации, который сложился в Германии и получил название *Kulturnationen* – нация, в основе объединения которой лежат только культурные связи (ныне такой феномен называли бы *этносом*). Вторую модель, проявившуюся в других европейских странах, философ обозначил *Staatsnationen* или нация (народ), объединенная общим государством [Meinecke 1911, pp. 2–3]. Мы полагаем, что эта классификация в целом не утратила своей актуальности, но предлагаем различать две разновидности *Staatsnationen* – *этактистскую* и *гражданскую*.

До возникновения идеи политической нации не было смысла различать культурные нации и этносы, но с появлением и возвышением *Staatsnationen* такое разделение стало необходимым. На это обратил внимание Эрнест Ренан в 1882 г.,

назвав «глубоким заблуждением» смешение этнических и национальных явлений [Ренан 2006]. В Германии процесс формирования политической нации и осознания ее обществом хотя и задержался, но все же начал заметно проявляться с середины XX в. В это время понятие «нация» все больше и больше становилось дискурсивно связанным с такими понятиями, как «единое государство», «демократия» и «гражданская культура», что отражало ослабление традиционного концепта *Kulturnationen* и постепенный переход немецкого общества к политической и гражданской трактовке нации [Юрин 2018].

Наша гипотеза состоит в том, что похожая тенденция обнаруживается и в России. Эволюция политической системы в нашей стране и утверждение в ней принципов народного суверенитета стимулируют общественную потребность в использовании политического понятия «нация» в ее гражданской модели, а также в дифференциации двух форм самоопределения граждан – этнического (культурного) и национального (политического). Вместе с тем в истории России эта общая закономерность проявлялась весьма своеобразно: *эволюция этнологических представлений вслед за эволюцией политической системы развивалась нелинейно и сопровождалась реверсивными процессами.*

Особенности эволюции этнологической терминологии в Российской империи

В конце XVIII в. образованное российское общество, прежде всего дворянство, будучи фактически франкоязычным, познакомилось с французской моделью нации и в какой-то мере приняло ее содержание почти сразу же после обнародования этих идей во Франции в «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.) Такая трактовка нации прослеживается не только в политических проектах дворянских революционеров, названных после восстания в декабре 1825 г. «декабристами», но и в риторике царя Александра I. В 1797 г. он, будучи еще наследником престола, пообещал, что «дарует России конституцию» и «нация изберет своих представителей» [Миллер 2012]. Сочетание слов «нация» и «политическое представительство» в высказываниях цесаревича указывают на принятие им французской концепции нации. Понятно, что в условиях политической несвободы и крепостничества лишь немногие подданные государя, и прежде всего дворяне, обладали (хотя бы потенциально) возможностью избирать своих представителей для решения политических вопросов. Став царем, Александр I сохранил Конституцию Финляндии и решил собрать предусмотренный ею сословный представительный орган – Сейм. Выступая в 1809 г. на закрытии этого Сейма, царь еще раз подтвердил свое политическое понимание нации, назвав его и Конституцию «возвышением» финского народа «до уровня наций, управляемых своими законами» [Болтунова 2021, с. 65]. В 1815 г. Александр I даровал Конституцию Царству Польскому, рассматривая этот конституционный акт как прелюдию и возможную модель политических преобразований во всей империи. В соответствии с польской конституцией в одной из провинций Российской империи появился шляхетский (дворянский) Сейм, который избирался на локальных дворянских собраниях (сеймиках), и представительство в нем иных сословий, помимо дворянства, не предусматривалось. Выступая

в 1818 г. (как всегда на французском языке) на первой сессии польского Сейма, царь назвал такую узкосословную форму общественного участия «истинным характером народного представительства», а также «подлинным и совершенным выражением общественного мнения» [Болтунова 2021, с. 69]. Идея избираемого, преимущественно из дворян, собрания уже во всероссийском масштабе прослеживается и в Конституционном проекте 1818 г. М.М. Сперанского, сподвижника царя-либерала.

Российское понимание социального состава нации как сообщества дворян изначально отличалось от французского, в котором под нацией понималось прежде всего «третье сословие» (простолюдины). Тем не менее, феномен, который в России начала XIX в. называли «нацией», близок к ее французской трактовке, характеризующейся прежде всего правом общества (в российском случае сугубо дворянского) избирать своих политических представителей. Такое толкование нации продержалось в политическом дискурсе России более четверти века, и лишь после восстания декабристов в 1825 г. и польского восстания 1830–1831 гг. прежний дискурс властей о нации, связанный с идеей установления конституции и дворянского представительства, сменился отрицанием обоих институтов как неуместных для России [Миллер 2012].

Со временем само слово «нация» стало нежелательным, от него старались избавиться, вытеснить и заменить другим термином. В этом качестве в политическом дискурсе России 1830-х гг. появился термин – «народность», ставший сердцевинной новой концепции «Православие, Самодержавие, Народность», подготовленной и изложенной в 1833 г. (на французском языке по нормам того времени) Сергеем Семенович Уваровым при вступлении его в должность министра просвещения. С.С. Уваров, германофил и выпускник немецкого университета, наполнил славянское слово «народность» немецким содержанием – переложением на русский лад идеи «народного духа» (*Volksgeist*), предложенной еще Йоганом Гердером в конце XVIII в. Идея *Volksgeist* основывалась на представлении о наличии у любого народа комплекса особых и постоянных («извечных») культурных свойств. В концепции С.С. Уварова эта идея трактовалась как исконно русские начала, важнейшими из которых министр назвал православие русского народа и его преданность самодержавию. Эти качества должны были воспитываться у молодежи усилиями органов народного просвещения, вверенного попечительству С.С. Уварова. Предложенная им схема государственной идеологии получила в просвещенном российском обществе нелестное название «официальная народность», трактуемая как навязанная народность, которая ограничивала развитие русской культуры.

Идея народности не смогла полностью вытеснить термин «нация» из русско-языкового оборота, и в 1860–1870-е гг. в России продолжалось переосмысление этого понятия. В это время политический дискурс России утратил свою зависимость от французского языка и стал полностью русскоязычным. Такой переход облегчил замену прежнего французского смысла слова «нация», ассоциируемого с политическими атрибутами (суверенитетом, собственными законами и народным представительством), – новым, более привязанным к культурно-языковым характеристикам нации. Важную роль в этом транзите сыграл Петр Александрович Валуев, русский литератор и государственный деятель. В эссе «Мысли о национальности» он теоретически доказывал связь упомянутого явления с культурными традициями и языком, а в своей практической деятельности на посту министра

внутренних дел (1861–1868 гг.) П.А. Валуев обращал внимание царя на культурно-языковые аспекты национальных отношений, прежде всего на угрозы для империи со стороны языкового обособления малороссов (украинцев). Такие угрозы министр назвал «национальным вопросом России» [Миллер 2012]. Несмотря на то, что терминологическое творчество П.А. Валуева не получило такую широкую известность, как новации С.С. Уварова, но и оно оказало немалое влияние на переход российской общественной мысли от прежней политической трактовки нации как *Staatsnationen* к сугубо культурной – в стиле *Kulturnation*.

Усиление этнической составляющей в трактовках нации сопровождалось ростом противопоставления русского народа другим народам, населяющим Россию. Следует отметить, что в 1880–1890-х гг. эта тенденция явно прослеживается в идеологии поздних славянофилов (Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова) и публицистов консервативно-охранительного толка (М.Н. Каткова, В.В. Розанова, Е.М. Феоктистова и других), но еще ярче в программных документах партий русских этнических националистов, вышедших на политическую сцену в начале XX в.

В 1905–1908 гг. появились партии, за которыми закрепилось название «русские националисты», хотя только ими это сложное и многообразное явление не исчерпывалось. На наш взгляд, после Манифеста 1905 г. заметным стало лишь одно из течений в русском национализме, представлявшее шовинистическую и имперскую его разновидность. В конгломерат таких организаций входили как крайние шовинистические движения, поддерживавшие антисемитские погромы (например, «Черная сотня»), так и более умеренные (например, «Всероссийский национальный союз»), однако все они демонстрировали признаки ксенофобии и были сторонниками этнического и религиозного неравенства жителей Российской империи. Появление таких политических сил характеризует важное направление эволюции русской национальной идеи начала XIX – начала XX вв. За этот период демократический национализм декабристов был в значительной мере вытеснен национализмом шовинистическим, отражавшим взгляды наиболее реакционных политических сил Российской империи.

С конца XIX в. термин «нация» использовался в России исключительно в этническом контексте и в таком виде прижился в русском языке, хотя все это время в Российской империи потенциально существовала альтернатива этому термину, поскольку уже были известны слова «этнос» и производное от него «этнография» – наука, изучающая этнические общности. В 1845 г. было образовано Русское географическое общество с отделением этнографии. Эта этнографическая организация стала одной из первых в мире и возникла вскоре после появления Парижского общества этнологии (1839 г.), однако в отличие от Франции в России той эпохи развернутая терминология, восходящая к слову «этнос», не прижилась. С другой стороны, термины «нация» и «национальность» также редко употреблялись как в бытовой, так и в деловой речи. В быту люди для самоидентификации использовали этнонимы (русский, грузин, осетин и другие), а представителей других народов называли «инородцами», «иноверцами» или использовали в этих целях стереотипные презрительные наименования. Государственное управление также мало нуждалось в использовании терминологии, производной от слова «нация», поскольку в учете населения опиралось на признаки вероисповедания, а не национальности. Зато в политических текстах оппонентов императорской власти – народников, а затем российских социалистов – термины, восходящие к слову

«нация», часто применялись в критических оценках политики самодержавия в отношении национальных окраин и национальных меньшинств. С 1903 г. начался новый этап в осмыслении феномена нации и в терминологическом творчестве социал-демократов, связанный с выделением из их среды большевиков.

Эволюция национальной идеи российских большевиков (1903–1936 гг.)

Термины «нация», «национальность», «национализм» прослеживаются в политическом дискурсе российских социал-демократов с конца XIX в., но большевистская дефиниция нации впервые была сформулирована лишь в 1913 г. в работе И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Его определение гласит: «Нация – это исторически устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [*Сталин* (1913) 1938, с. 6]. Это эссе, сразу же одобренное В.И. Лениным, выдвинуло И.В. Сталина в ряды главных экспертов среди большевиков по национальной тематике. Брошюра была написана и опубликована И.В. Сталиным в Вене, где он находился в эмиграции. Изложенная в ней концепция возникла под сильным влиянием австрийских марксистов и отражала традиционный австро-немецкий подход к нации как этнокультурной общности¹. В этом отношении сталинская концепция не противоречила идеям уваровской «официальной народности», которая тоже несла на себе отпечаток немецкой философии. В таком признаке сталинской трактовки нации, как «общность психического склада», можно увидеть аналогию с метафорой С.С. Уварова об «исконно русских началах». В обоих случаях речь шла о непрровержимых и неизмеримых признаках, в которых заметно отражение эссенциалистского мировоззрения о неизменности и тотальности национальных свойств людей. Однако на этом сходство сталинской и уваровской концепций заканчивается; по большей части это были идеи-антиподы и антагонисты. Триаде С.С. Уварова большевики противопоставили триаду своих особых принципов: православие – воинствующий атеизм, самодержавию – идею свержения царизма, а народности – идею пролетарского интернационализма.

Сердцевинной национальной идеи большевиков в предреволюционные годы стала концепция о «праве наций на самоопределение», игравшая важную роль в обосновании необходимости свержения существующего политического строя в России. Уже в первой программе партии российских социал-демократов (РСДРП, 1903 г.) была заявлена следующая политическая цель: «Низвержение царского самодержавия и замена его демократической республикой, в которой должно быть конституционно закреплено: право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях 1970, с. 63]. Программные положения и публичные заявления РСДРП по национальному вопросу оказались самыми радикальными в сравнении с программами других социалистических партий и движений России. Даже бомбисты-эсеры в своей программе не выступали за распад Российской империи, добываясь лишь преобразования ее в федерацию [*Нам* 2016, с. 6]. Большевики же, отделившись

¹ Известный советский обществовед Ю.И. Семенов считал эту работу плагиатом и эклектическим синтезом идей австрийских социал-демократов К. Каутского и О. Бауэра [*Семенов* 1966].

в 1903 г. от меньшевиков, с каждым годом становились в национальном вопросе все более бескомпромиссными. В.И. Ленин и И.В. Сталин в 1913–1917 гг. ясно и практически одинаково сформулировали свое понимание права на самоопределение. В.И. Ленин писал: «<...> под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» [Ленин 1914, с. 258–259]. И.В. Сталин подтверждал такое же радикальное толкование этого принципа как «<...> право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого» [Сталин 1917].

Оба лидера большевиков в предреволюционные годы решительно отмежевывались от эсеровской идеи федерализма, противопоставляя ей идею сецессии – неизбежного распада страны. В.И. Ленин в работе «Критические заметки по национальному вопросу» отмечал, что марксисты *ни в коем случае не будут проповедовать федеративные принципы* [Ленин 1913]; та же мысль отражена в статье И.В. Сталина «Против федерализма» [Сталин 1917].

Поддержку идеи территориального распада российского государства большевики демонстрировали до свержения царской власти и Временного республиканского правительства в 1917 г. Но после Октябрьской революции произошла трансформация идеологии большевиков, при этом повторилась коллизия, хорошо известная во всемирной истории, когда идеи, необходимые для завоевания власти, становились обузой для партий, получивших эту власть.

Сначала большевикам пришлось отказаться от неприятия идей федерализма. Эсеры, выдвинувшие эту идею, победили на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, которое было создано в январе 1918 г. для определения государственного устройства России и провозгласило Россию федеративной демократической республикой. После первого же заседания большевики распустили Учредительное собрание, однако и на альтернативном этому собранию III Съезде Советов, созванном в том же месяце, они не могли провести свои решения без союза с левыми эсерами, решительно выступавшими за федерализм. По вопросу о нем большевикам пришлось пойти на уступки левым эсерам, и на этом съезде было принято решение подготовить Конституцию советского федеративного государства – РСФСР. Большевики не отказались от федерализма и после политического разрыва с левыми эсерами в июле 1918 г., напротив, к этому времени навязанная им идея федерации стала рассматриваться большевистскими лидерами как полезная, органичная и даже спасительная.

К середине 1918 г. Финляндия, Польша, Украина, республики Балтии и Кавказа осуществили свое право на самоуправление в радикальной форме – сецессии. Вслед за ними влиятельные политические силы в других национальных регионах России, включая Башкирию и Татарию, стали выдвигать идею о национальном самоопределении как «государственном отделении». Распад стал угрожать большей части территории России. При этом почти все новые независимые государства в это время вступили в те или иные политические союзы с внутренними и внешними врагами Советской России. Эти перемены не привели к отказу советских руководителей от концепции «права наций на самоопределение», но потребовали внесения в нее существенных коррективов.

Прежде всего была переосмыслена роль субъекта, который способен представлять право наций. Таким субъектом большевики считали лишь пролетариат

в союзе с трудовым крестьянством, тогда как новые независимые государства на территории бывшей Российской империи возглавлялись, по мнению советских лидеров, представителями буржуазных националистов, узурпировавших права наций на самоопределение. Было принято решение направить войска Красной армии в эти республики с целью обеспечения «истинного» самоопределения наций, которое в новой трактовке (1918–2020 гг.) уже не предусматривало обязательного выхода национальной окраин из состава советского государства: напротив, сецессия осуждалась большевиками как антинародная идея буржуазных националистов. Инструментом соединения истинного права на самоопределение с потребностью сохранения целостности социалистического отечества выступал федерализм, когда именно в рамках федерации, по мысли победивших большевиков, должно было осуществляться право наций на самоопределение.

Крутые виражи эволюции национальной идеи большевиков сильно затрудняют ее оценку в современных условиях. В.В. Путин не раз называл большевистский принцип права наций на самоопределение «миной, заложенной под здание нашей государственности» и возлагал ответственность за нее только на В.И. Ленина, оправдывая И.В. Сталина: «Я имел в виду дискуссию между Сталиным и Лениным по поводу того, как строить новое государство – Советский Союз»². Президент России полагал, что при подготовке Союзного договора И.В. Сталин сформулировал идею автономизации СССР, а В.И. Ленин раскритиковал его позицию, настаивая на федеративном принципе с формальным правом выхода республик из Союза. Мы изложим несколько иной взгляд на суть этой дискуссии. Исторические документы показывают, что в 1922 г. И.В. Сталин уже не выступал против федерализма, он лишь предложил включить национальные республики в состав Российской Федерации, тогда как В.И. Ленин выдвинул иную идею – объединения бывших национальных окраин вместе с РСФСР в союз советских республик. В 1936 г. И.В. Сталин, оставшийся единственным и полновластным советским лидером, при подготовке новой редакции Конституции СССР мог без оглядки на В.И. Ленина отказаться от некоторых ленинских идей. Какие-то идеи из ленинского идейного наследия были отброшены (например, ленинская мечта о мировом союзе советских республик Европы и Азии), но принципы федерализма и права наций на самоопределение в сталинской конституции сохранились, при этом в самой радикальной формулировке – с формальным правом выхода республик из Союза ССР. И.В. Сталин считал эти принципы значимыми, а угрозы сепаратизма оценивал как незначительные, поскольку право на самоопределение было, а возможность его реализации отсутствовали: любое высказывание о необходимости выхода той или иной республики из состава Союза рассматривалось как тягчайшее государственное преступление.

Советская трактовка наций, национальностей и этноса (1930–1980 гг.)

В Советском Союзе, в противоположность Российской империи, основной характеристикой населения в официальных документах (в переписях, в налоговых реги-

² Путин раскритиковал Ленина за идею равноправия республик с правом выхода из СССР (2016) // Интерфакс. 25 января 2016 // <https://www.interfax.ru/russia/491443>, дата обращения 12.12.2023.

страциях, при призыве в армию) служило не вероисповедание, а национальность граждан. В декабре 1932 г. было принято решение о паспортизации, и к 1941 г. ею была охвачена большая часть жителей городов (в сельской местности этот процесс начался лишь в 1960-е гг.). Указание национальности в паспорте стало обязательным, от нее нельзя было отказаться, и определялась она представителями советской власти исходя из национальной (сейчас сказали бы «этнической») принадлежности родителей гражданина (или одного из них).

Принудительная национальная (этническая) идентификация советских людей в документах сохранялась и спустя четыре десятилетия после начала первой паспортной кампании. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР «О паспортной системе в СССР» № 677 от 28 августа 1974 г. гражданин получал право выбирать национальность только при различии национальной принадлежности родителей и лишь однажды – в момент получения первого паспорта при достижении 16-летнего возраста. Право на смену национальности не предусматривалось; помимо этого, невозможно было записать в паспорте национальность, отсутствующую в официально утвержденном перечне, например, помор, мокша или эрзя, хотя такие этнонимы бытовали среди некоторых этнических общностей. В формуляре по учету кадров паспортных органов МВД СССР графа «национальность» стояла пятой (после фамилии, имени, отчества и социального положения), и уже само ее место в анкете демонстрировало важность этой характеристики советского человека.

Советским гражданам предписывалось указывать свою национальность не только в паспорте, но и в многочисленных официальных анкетах, обязательно заполняемых даже при поселении в гостиницу или при записи в спортивные учреждения или в библиотеки. Данные о национальности человека, открыто представленные в разнообразных анкетах, создавали возможности для этнической дискриминации граждан, которая могла быть обусловлена личными этническими предубеждениями какого-либо должностного лица (от милиционера до администратора в гостинице), но чаще была следствием государственной политики и проявлялась, например, к народам, подвергшимся депортации в 1930–1950-х гг.

Понятие «национальность» в СССР означало принадлежность человека к той или иной этнической нации, и ее определение, данное И.В. Сталиным еще в 1913 г., сохранялось как эталонное на протяжении всего советского периода. Советские этнонации были привязаны к национально-территориальному устройству СССР, и согласно Конституции Советского Союза 1936 г. нациями считались только русские и народы, давшие название союзным республикам (Армянской ССР, Белорусской ССР, Молдавской ССР и другим), а по Конституции 1977 г. статус нации также получили народы, давшие название автономным республикам. Прочие общности определялись термином «народность», хотя элиты этнических групп, числящихся народностями, десятилетиями добивались для них статуса наций. Следует отметить, что политико-символический подход к понятию «нация» сохраняется до сих пор у многих политиков в республиках России.

Уже в конце 1950-х гг. в государственном управлении возникала потребность в определении политического статуса всего народа Советского Союза, который не поддавался описанию только в сугубо этнических терминах. В связи с этим в 1961 г. руководитель советского государства и коммунистической партии Н.С. Хрущев дал в новой программе КПСС такое определение: «В СССР

сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ» [Хрущев 1961, с. 10].

В октябре 1977 г. Л.И. Брежнев, хотя и старавшийся во всем подчеркнуть новизну своих решений по сравнению с указами своего предшественника, тем не менее включил в Конституцию СССР хрущевское словосочетание «новая историческая общность людей – советский народ»³. Фактически эта конституционная норма подводила общество к признанию граждан государства в качестве *политической нации*. Однако потребовалось еще 35 лет для того, чтобы такая трактовка нации впервые была отражена в российском государственном документе. Она появилась лишь в постсоветской России в 2012 г. в понятии «российская нация»⁴, а до тех пор понятие «нация» воспринималось исключительно в этнической трактовке, в связи с чем не было смысла вводить в политический лексикон особый термин «этнос», известный лишь ученым-этнографам.

Что касается самого понятия «этнос», то оно впервые было сформулировано в 1923 г. эмигрантом С.М. Широкогоровым – «<...> группа людей, говорящих на одном языке, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [Широкогоров 1923, с. 13]. Это определение принадлежало человеку, который считался буржуазным ученым-белоземляком, и уже из-за этого клейма многие годы оставалось недоступным советским читателям.

В 1930-е гг. был создан Институт этнографии АН СССР, однако советское руководство относилось к этой науке без большого интереса (ее назначение первоначально виделось властям лишь в изучении народов, не достигших стадии нации) и с определенным недоверием [Чешко 2005], а посему непонятную науку могли подозревать в посягательствах на сталинскую теорию нации.

В середине 1980-х гг. уровень идеологически дозволенного в СССР существенно расширился. В конце 1986 г., в эпоху перестройки, в Институте этнографии и антропологии АН СССР появился Отдел этнографии русского народа. Директор института академик Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990 гг.) инициировал общее переосмысление целей и задач советской этнографии и реабилитировал понятие «этнос», предложив его определение, близкое тому, которое дал С.М. Широкогоров: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [Бромлей 1983, с. 58]. Попробуйте отличить это определение этноса от сталинского определения нации, и вы увидите, что в трактовке академика понятию «этнос» не хватает только одного признака («общая экономическая жизнь»), чтобы полностью слиться с понятием «нация» в его сталинской версии. Прошло еще одно десятилетие, прежде чем понятия «нация» и «этнос» начали движение в разные смысловые стороны, занимая постепенно свои особые предметные ниши – *политическую для «нации» и культурную для «этноса»*.

³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Garant.ru // https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/, дата обращения 12.12.2023.

⁴ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012) // Совет Безопасности Российской Федерации // <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/>, дата обращения 12.12.2023.

В период перестройки в СССР советские читатели познакомились с работами выдающегося британского социолога и антрополога Энтони Смита, давшего в 1986 г. следующее определение этнической общности: «*Ethnie* (это авторский термин, близкий русскому «этнос» – прим. автора) – общность людей, имеющая имя, разделяющая мифы о предках, совместную историю и культуру, ассоциированная со специфической территорией и обладающая чувством солидарности» [Smith 1986, p. 32]. В этом определении этноса (*Ethnie*) на первое место выходят характеристики, связанные с самосознанием групп, их идентичностью, проявляющейся в самоназваниях и представлениях людей об общем происхождении. Дефиниция приближается к конструктивистской трактовке этноса, хотя Э. Смита к числу теоретиков конструктивизма обычно не относят.

Постсоветские терминологические дискуссии об этносе

Сменивший Ю.В. Бромлея новый директор Института этнологии и антропологии РАН (1989–2015 гг.) В.А. Тишков внес много нового и полезного в теорию этнологии, прежде всего в утверждении в ней новой конструктивистской парадигмы, противостоявшей традиционному эссенциализму. Однако в 1990-е гг. конструктивизм испытал на себе влияние постмодернизма и сильно радикализировался. В это время Эрнст фон Глазерсфельд сформировал доктрину «радикального конструктивизма». Суть ее состоит в том, что знание якобы принципиально не может отражать или соответствовать реальному миру, поскольку единственный реальный мир, доступный ему, – это мир, который конструирует сам субъект познания [Глазерсфельд 2000, с. 96]. Эта идея была не нова, она пересеклась с раннесредневековой концепцией солипсизма Аврелия Августина⁵, но оказалась очень созвучной постмодернистской идеологии конца XX в. На наш взгляд, идеи радикального конструктивизма повлияли и на научные взгляды В.А. Тишкова, определив отрицание им реальности этносов. В 1992 г. антрополог отмечал: «Этносы есть умственные конструкции, своего рода “идеальный тип”, используемые для систематизации конкретного материала. <...> Они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов» [Тишков 1992, с. 7]. По этой причине автор предлагал отказаться от использования термина «этнос», ограничившись понятием «этничность». Эту же идею замены понятия «этнос» понятием «этничность» главный этнолог России поддерживал и в 2000-е гг. [Тишков 2016; Тишков 2020].

Против идеи отрицания реальности этнических общностей и табуирования термина «этнос» в 1990-е гг. выступили многие этнологи. Некоторые теоретики увидели в отказе признания реального существования этноса не только влияние постмодернистского мировоззрения, но и политический умысел. На это обратил внимание российский философ и известный политик Р.Г. Абдулатипов: «Народы, – писал он в 1996 г. – угадывают скрытую логику подобных рассуждений: России нужны Чечня, Тыва, Калмыкия и не нужны чеченцы, тувинцы, калмыки» [Абдулатипов 1996, с. 232–233]. Эти рассуждения в 1990-е гг. не имели политических последствий, хотя и были обращены к Президенту Российской Федерации. Так или иначе, они не остановили стремление руководителя

⁵ Книга «О Граде Божьем» (V в. н.э.).

главного академического института по этнологии изъять из научного оборота понятие «этнос». Наиболее детально эта идея была сформулирована в монографии В.А. Тишкова с броским названием «Реквием по этносу» [Тишков 2003]. Само название книги и отраженная в ней концепция сразу столкнулись с критикой со стороны многих известных этнологов. Теоретик этнологии Ю.И. Семенов призвал научное сообщество «не торопиться с заупокойной молитвой по этносу» [Семенов 2006, с. 101]. Да и самому В.А. Тишкову не удалось обойтись одной лишь «этничностью» при описании в своих работах целостных этнических общностей, имеющих свои самоназвания (этнонимы); для их обозначения им использовался термин «народ» [Тишков 1998b], который между тем куда менее определенный, чем «этнос» или «народ-этнос», поскольку имеет десятки различных значений и толкований (народные массы, народность, публика, население, нация и др.).

Разные науки в понятии «народ» выделяют свои предметные стороны и обозначают их своими научными терминами: для географов «народ» – это население, для социологов – социум, политологи недавно придумали термин «политикум», а этнологи почему-то отказываются от своего устоявшегося термина «этнос». И как же без него различать внеэтнические формы проявления «народа» (советский народ, россияне, сибиряки, москвичи) от этнических – русские, татары, якуты и другие?

Переписи населения России учитывают не только этническую (национальную) принадлежность граждан, но и количество этнических общностей в целом. В переписи 1989 г. зафиксированы 123 народа-этноса, в переписи 2010 г. – 193 [Богоявленский 2010], а в переписи 2020–2021 гг. – 194 народа-этноса⁶. Если в советское время многоэтничность страны могла характеризоваться шаблонной формулировкой «100 наций и народностей», то в Российской Федерации впору говорить о почти 200 народах в их этническом измерении. Рост количества этносов в постсоветский период отражает процесс социально-культурного самоопределения этнических групп. Этот процесс важен уже потому, что многие малочисленные этнические общности были включены в советское время в состав других этнических общностей без какого-либо согласования с людьми-носителями соответствующего этнонима.

Процесс самоопределения этносов носит перманентный характер и требует обновления методологии статистического учета этнических групп. Перед переписью 2002 г. появилась (и до настоящего времени сохраняется) следующая новация в такой методологии: внутри «отдельных» народов стали выделять их субэтнические группы, получившие название «включенные народы» [Богоявленский 2010]. Эта терминология лишь кажется новой, а фактически она вернула статистический учет к хорошо забытой старой советской классификации *этносов* и *субэтносов*, сложившейся в этнографической науке в 1980-е гг. и отраженной в трудах академика Ю.В. Бромлея [Бромлей 1983, с. 236].

Терминологию «этносы и субэтносы» не удастся забыть и изгнать из науки, поскольку в ней нуждается не только статистика, но законодательная практика. Законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к этой категории в официальном перечне отнесены 47 народов-этносов,

⁶ Всероссийская перепись населения 2020 года (2020) // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>, дата обращения 12.12.2023.

и отнюдь не как «идеальные типы». Закон требует от граждан документальное подтверждение своего права на получение статуса полноправных представителей одного из коренных малочисленных народов⁷. Похожие законы для коренных малочисленных народов приняты в Канаде, США и ряде стран северной Европы. Закон государства Израиль «О Возвращении» от 1950 г., действующий и ныне, также требует от лиц, желающих получить право на репатриацию (и на этой основе получить статус гражданина этого государства), документально доказать свое еврейское происхождение.

Итак, эволюция термина «этнос» в советскую и постсоветскую эпохи может служить ярким примером нелинейной эволюции. Он практически не использовался в СССР, поскольку был «утоплен» в сталинском понятии «нация»; в 1980-е гг. этот термин был не только реабилитирован усилиями академика Ю.В. Бромлея, но и канонизирован, при этом он обозначил собой основной предмет «теории этноса»; однако в 1990-е гг. от термина «этнос», или «народ-этнос», а заодно и от слова «этнография» в России стали отказываться под влиянием нового руководства академического Института этнологии и антропологии. Но, несмотря на давление научных авторитетов, понятие «этнос» остается в большинстве учебников этнологии и политологии, вышедших в 2000-е гг. в России и в других постсоветских государствах⁸. В нем нуждаются и практика государственного управления, прежде всего государственная статистика учета движения населения и его этнических групп, а также законодательная практика.

Постсоветские дискуссии о сущности нации

В творчестве В.А. Тишкова, помимо монографии «Реквием по этносу», была и статья «Забывать о нации» [Тишков 1998а], вызвавшая не меньше споров, чем его идея изгнать понятие «этнос» из научного оборота. Однако эта статья не ставила своей целью отказ от термина или понятия «нация», а была лишь неудачно, на наш взгляд, названным обоснованием позиции автора о целесообразном использовании этого понятия в ином смысле, чем это было принято в Советском Союзе. И в дальнейшем академик неоднократно развивал свои представления о единой политической нации государства, включающей в себя множество этнических общностей, как об одной из базовых категорий этнологии и инструменте политического анализа ситуации в России [Тишков 2023]. Понятие «русская нация» стало ключевым в «Стратегии государственной национальной политики России» прежде всего благодаря усилиям В.А. Тишкова.

Представления о неадекватности самой идеи нации эпохе глобализации высказывал не В.А. Тишков, а другие авторы, далекие от него по своему мировоззрению, например, некоторые участники дискуссии «Глобализация

⁷ Федеральный закон от 6 февраля 2020 г. N 11-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” в части установления порядка учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам» (2020) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45160>, дата обращения 12.12.2023.

⁸ Приводим лишь некоторые учебники и учебные пособия, использующие этот термин: [Абдулатипов 2004, с. 14; Анянына 2017, с. 21; Садохин 2008, с. 63–65; Тавадов 2002, с. 54; Удовицкая 2017, с. 8; Паин 2020, с. 44].

и либеральная демократия».⁹ Впрочем, эта дискуссия выглядела лишь слабым отголоском интеллектуальных баталий, бушевавших в Европе и США в канун и в начале XXI в. К этому времени идея конца истории («постистории») чаще всего воспринималась с иронией, которую демонстрировал и сам ее автор Фрэнсис Фукуяма, хотя аналогичная и такая же утопическая концепция «постнации» казалась все еще живучей и с увлечением подхватывалась определенной частью интеллектуалов-постмодернистов. Вместе с тем к 2019 г. все ярче проявлялись доказательства догматичности и практической несостоятельности данной концепции. Уже в 1990-е гг. проявился культурный парадокс глобализации: с одной стороны, ее развитие усиливает унификацию технологических проявлений культуры, но, с другой, порождает и стремление к сохранению и возрождению культурной самобытности [Комаровф 1993, с. 35–70]. Первоначально считалось, что эффект этнического и национального ренессанса присущ лишь региональным аутсайдерам – сообществам, отстающим в социальном и экономическом развитии. Однако ко второй декаде 2000-х гг. подобные процессы стали проявляться и в самых развитых регионах Европы – в Бельгии, Нидерландах, Каталонии, Шотландии. Неравномерность социально-экономического развития и некоторые значимые различия политических интересов государств обнаружили даже в пределах самого интегрированного международного сообщества ЕС. В таких условиях становилось очевиднее, что международная интеграция не заменяет развитие национальных государств, а способна лишь дополнять его в каких-то аспектах [Паин 2019].

Трудно предположить, насколько распространена в настоящее время в глобальном мире нигилистическая идея «постнации». Определенно можно утверждать, что отрицание наций не подавило и не вытеснило интерес исследователей к изучению их сущности. В России сторонники «постнации», по нашим оценкам, составляют в исследовательском сообществе меньшинство. Основная часть исследователей может быть разделена на три категории, позитивно относящиеся к идее нации, хотя и трактующие ее по-разному: первая группа – сторонники советской трактовки нации как *этнонации*; вторая – теоретики, отстаивающие *этатистскую* концепцию нации, отождествляющие ее с государством, подчиняющим себе общество и, наконец, в третью группу входят эксперты, стоящие на позициях *гражданской нации*, рассматривающие нацию как общество, играющее решающую роль в политической системе государства. Их позиция близка к той, которую выразил Руперт Эмерсон: «Нация стремится овладеть государством как политическим инструментом, с помощью которого она может защитить и утвердить себя. <...> Нация фактически стала тем, что придает легитимность государству» [Emerson 1960, p. 96].

Пока в научных кругах России продолжают дискуссии о сущности и пользе дефиниций «нация» и «этнос», в массовом сознании россиян наблюдаются высокая определенность и устойчивость как этнической, так и национально-государственной самоидентификации. Этносоциологические исследования Института социологии ФНИСЦ РАН второй декады 2000-х гг. показывают, что 94% респондентов, осознающих себя россиянами, одновременно чувствуют себя представителями вполне определенной этнической общности [Дробижева 2017].

⁹ О содержании этой дискуссии см. [Паин 2019].

Заключение

Наш краткий исторический очерк может предварять будущие фундаментальные исследования истории этнологической мысли в России. Краткость нашего сочинения и его тезисная, по необходимости, форма имеют, на наш взгляд, свои преимущества, позволяя контрастнее очертить генеральную линию развития этнологических представлений в России. Эта линия не прямая, она волнообразно выгибается между двумя исторически краткими периодами. Первый знаменует время появления современного политического концепта нации в интересах узкого социального слоя дворянства, и второй, пока последний, начинается с появления в 2012 г. государственной трактовки политической нации, понимаемой как сообщество всех граждан России. Между двумя этими историческими точками простирался почти 200-летний период доминирования сугубо этнической трактовки нации, хотя с 1960-х гг. советские лидеры осознали необходимость внеэтнического определения советского народа как «новой исторической общности».

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.» – это первый в истории России государственный документ, в котором дано определение политической нации: «Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием»¹⁰. Позитивная значимость такого определения не вызывает сомнения, хотя политическое понятие «российская нация» стоит вторым, в скобках после сугубо этнической дефиниции «многонациональный народ». Этот компромисс между новым и старым значениями обусловлен многими причинами, например, сохранением в сознании этнических элит в республиках Российской Федерации восприятия понятия «нации» как политического статуса титульного народа той или иной республики. Отмеченный компромисс отражает и сложность процесса привыкания общества к новой национально-гражданской идентичности – еще очень непрочной, в отличие от более привычных – этнических и этатистских характеристик. Пока такая дефиниция, как «нация многонационального народа», выглядит как тавтология и возможна скорее в идеологическом, чем в практическом ориентированном документе. Практика государственного управления неизбежно потребует большей определенности и различения политического понятия «нация» и социокультурных понятий «этнос» и производных от него – «этническая группа», «этничность», «межэтнические отношения» и другие. Мы пытались показать, что эти понятия отражают разные типы *группового самоопределения*. Нация – это повседневный плебисцит гражданско-политического самоопределения жителей страны, тогда как этнос – это форма культурного самоопределения общностей.

Наши исследования показывают, что пока понятие «российская нация» плохо приживается в массовом сознании россиян и даже если проявляется, то преимуще-

¹⁰ «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (2012) // КонсультантПлюс. 19 декабря 2012 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&tm=0.12723206405320164#09411747102707787>, дата обращения 12.12.2023.

ственно в этатистском дискурсе в сочетании со словами «государство» и «власть». Гражданское осмысление нации как «общества, овладевшего государством», связанное с осознанием большей частью российских граждан своей ведущей роли в политической системе в соответствии с конституционной нормой «народ – источник власти» проявляется весьма редко, слабо выражено и пока не усиливается [Паин, Федюнин 2017].

Вопрос о степени развитости в России гражданской нации остается дискуссионным¹¹. В то же время оценки значимости этнической идентичности для россиян и растущей консолидации этнических групп не вызывает существенных разногласий среди академических ученых. При слабости гражданской идентичности неизбежно усиливается ценность государственной и так называемых аскриптивных идентичностей (этнической и религиозной). Общеизвестно и то, что большинство крупнейших народов Российской Федерации прошли стадию этно-национальной консолидации. Это значит, что у этих народов единое этническое самосознание или полностью вытеснило архаичное родоплеменное или по крайней мере стало более значимым в сравнении с самосознанием остатков родовых или племенных сообществ, таких как тейпы и тухумы (у ряда народов Северного Кавказа), а также субэтнических локально-земляческих и региональных объединений. Наличие пограничных идентичностей, стимулирующих двойственную идентичность (например, татаро-башкирскую или русско-казахскую), наиболее характерно для людей, рожденных в смешанных браках, доля которых в России крайне не велика, особенно у народов Северного Кавказа.

Стремление к этнокультурному самоопределению народов не ослабевает в условиях глобализации. Напротив, мы пытались показать, что ныне все заметнее становится процесс возрождения интереса к этнической и религиозной идентичности. Особенно значимо это возрождение для этнических меньшинств и малочисленных народов.

В статье мы подчеркивали наше критическое отношение к предложению «исполнить реквием» по этносу и изъять из научного оборота это понятие. Потеря специфического термина не только ухудшает информационную селективность научного анализа в этнологии, но порой провоцирует подозрения, что намерения этнологических реформаторов политически мотивированы и могут восприниматься как стремление принизить роль малочисленных этносов в пользу большого государственного народа. Кроме того, сама идея запрета или ограничения оборота каких-то научных понятий вступает в противоречие с усиливающейся во всем мире критикой идеологических запретов, чем бы они ни обосновывались – требованиями религиозных фундаменталистов запретить стихи Салмана Рушди или левых прогрессистов изъять из библиотеки литературную классику, например, «Приключения Гекльберри Финна», якобы проповедующие ценности расизма. В сравнительно недавнем советском прошлом требования запрета «лженаук», а также «ложных» методов и понятий могли обернуться для критикуемых не только репутационными издержками, но и куда более суровым наказанием. Об этом стоит помнить и в наше время.

---

¹¹ Подробнее об этой дискуссии см. [Дробижева 2013, с. 24–27].

Список источников

- Абдулатипов Р. (1996) Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М.: Славянский диалог.
- Абдулатипов Р.Г. (2004) Этнополитология: учебное пособие. СПб.: Питер.
- Айзенштадт М.П. (2009) Власть и общество Британии, 1750–1850 гг. М.: Институт всеобщей истории РАН.
- Ананьина В.Т. (2017) Этносоциология: практикум. Екатеринбург: Уральский университет.
- Андерсон Б. (2001) Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц.
- Богоявленский Д. (2012) Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. № 531–532 // <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php>, дата обращения 12.12.2023.
- Болтунова Е. (2021) «Я произнес перед вами слово истины»: речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // Новое литературное обозрение. № 171. С. 61–73 // <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/499500688.pdf>, дата обращения 12.12.2023.
- Бромлей Ю.В. (1983) Очерки теории этноса. М.: Наука.
- Глазерсфельд Э. (2000) Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен. С. 74–98.
- Дробижева Л.М. (2013) Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф.
- Дробижева Л.М. (2017) Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Т. 26. № 1. С. 7–31 // <https://mirros.hse.ru/article/view/4875/5238>, дата обращения 12.12.2023.
- Калхун К. (2006) Национализм. М.: Территория будущего.
- Комарофф Дж. (1993) Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Тишков В.А. (ред.) Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции. М.: Наука. С. 35–70.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1970). Т. 1. М.
- Ленин В.И. (1913) Тезисы по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 315–323.
- Ленин В.И. (1914) О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений Т. 25. С. 258–259.
- Миллер А. (2012) История понятия «нация» в России // Отечественные записки. № 1. С. 162–186 // <https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciy-a-v-rossii>, дата обращения 12.12.2023.
- Нам И.В. (ред.) (2016) Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в. Томск: Томский университет.
- Паин Э.А. (2015) Имперский национализм: возникновение, эволюция и политические перспективы в России // Общественные науки и современность. № 2. С. 54–71 // <https://www.hse.ru/data/2016/03/15/1127650276/Pain%202015%20Imperial%20nationalism.%20Emergenc.d%20political%20prospects%20in%20Russia.pdf>, дата обращения 12.12.2023.
- Паин Э.А. (2019) Нациофобия и национал-популизм: взаимосвязь в условиях глобализации // Общественные науки и современность. № 5. С. 30–46. DOI: 10.31857/S086904990006560-8
- Паин Э.А. (2020) Межэтнические отношения: терминология, история, современные теории и место в системе государственного управления // Варшавер Е.А., Идрисов Э.Ш., Маркварт Э., Паин Э.А., Ситников А.В., Стародубровская И.В. Управление межэтническими и конфессиональными отношениями: теория и практика: учебное пособие. М.: Проспект. С. 12–63.
- Паин Э.А., Федюнин С.Ю. (2017) Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль.

- Режабек Е. (2006) Радикальный конструктивизм: критический взгляд // Вопросы философии. № 8. С. 67–77 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=9242802>, дата обращения 12.12.2023.
- Ренан Э. (2006) Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года // Хронос. С. 90–102 // http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php, дата обращения 12.12.2023.
- Садохин А. (2008) Этнология: учебник. М.: Гардарики.
- Семенов Ю.И. (1966) Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса // Народы Азии и Африки. № 4. С. 106–129 // https://scepsis.net/library/id_2670.html, дата обращения 12.12.2023.
- Семенов Ю.И. (2006) Горопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит // Философия и общество. № 2. С. 94–105 // <https://cyberleninka.ru/article/n/toropitsya-s-zaupokoynoy-molitvoy-po-etnosu-vryad-li-stoit-ob-osnovnyh-ideyah-knigi-v-a-tishkova-rekviem-po-etnosu-issledovaniya-po-sotsialno/viewer>, дата обращения 12.12.2023.
- Смит Э.Д. (2004) Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис.
- Сталин И.В. (1917) Против федерализма // Правда. 28 марта 1917 // <https://litlife.club/books/102953/read?page=5>, дата обращения 12.12.2023.
- Сталин И.В. (1938) Марксизм и национальный вопрос. М.: ГИПЛ.
- Суни Р.Г. (2007) Империя как она есть: имперский период в истории России // Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) Национализм в мировой истории. М.: Наука. С. 36–81.
- Суни Р.Г. (2014) Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия. С. 17–40.
- Тавадов Г.Т. (2002) Этнология: учебник для вузов М.: Проект.
- Тишков В.А. (1992) Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. № 1. С. 7–8.
- Тишков В.А. (1998a) Забыть о нации // Вопросы философии. № 9. С. 3–26.
- Тишков В.А. (ред.) (1998b) Народы и религии мира. М.: Большая Российская энциклопедия.
- Тишков В.А. (2003) Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М.: Наука.
- Тишков В.А. (2016) От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. № 5. С. 5–22.
- Тишков В.А. (2020) Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. № 2. С. 72–92 // <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2680.pdf>, дата обращения 12.12.2023.
- Тишков В.А. (2023) Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН.
- Удовичкая Т.А. (2017) Этнография и этносоциология: методические рекомендации для студентов. Харьков: НУА.
- Хрущев Н.С. (1961) О Программе Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат.
- Чешко С.В. (2005) От советской этнографии к российской этнологии // Этнологическое обозрение. № 2. С. 8–10 // https://eo.ica.ras.ru/wp-content/uploads/2005/02/eoarchive_2005_2_cheshko.pdf, дата обращения 12.12.2023.
- Широкогоров С.М. (1923) Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия восточного факультета Дальневосточного университета. Выпуск XVIII. Т. I. Шанхай.
- Юрин А.Н. (2018) Роль понятия «нация» в осмыслении исторического и социально-политического опыта современной Германии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 8 (41). С. 25–46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-25-46

- Barth F. (ed.) (1969) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Bergen-Oslo; London.
- Deutsch K. (1966) *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*, Cambridge (Mass.).
- Emerson R. (1960) *From Empire to Nation. The Rise of Self-Assertion of Asian and African Peoples*, Cambridge: Harvard University Press.
- Greenfeld L. (1993) *Nationalism: Five Roads to Modernity*, Cambridge: Harvard University Press.
- Meinecke Fr. (1911) *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*, München; Berlin.
- Smith A.D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*, Oxford: Blackwell.

Nation and Ethnos: The Nonlinear Evolution of Ethnological Concepts in Russia

---

E.A. PAIN*

***Emil A. Pain** – DSc in Politics, PhD in History (Ethnology), Lead Researcher, Institute of the Sociology Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, painea@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>

Citation: Pain E.A. (2024) Nation and Ethnos: The Nonlinear Evolution of Ethnological Concepts in Russia. *Mir Rossii*, vol. 33, no 1, pp. 6–28 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28

Abstract

This article analyzes changes in the basic concepts of ethnology, i.e., nation, ethnos, and their derivatives (nationality, ethnicity, ethnography, and ethnology) over two centuries of historical observations in Russia. It demonstrates the fluctuating character of the evolution of the concept of nation in the Russian Empire, the Soviet Union, and the Russian Federation. The concept originated as a political concept, then acquired an ethnic meaning, and in the post-Soviet era, its political content manifested once again. As the concept of nation is gradually losing its ethnic meaning, the concept of ethnos is regaining relevance for denoting ethnocultural communities. However, the new terminology struggles to penetrate everyday, public, and academic discourses. In official Russian documents, the traditional ethnic interpretation of the concept of nation is preserved and intertwined with the political one. In Russian and Soviet academia, the concept of ethnos at times took on a predominant role in ethnographic theory, while at other times it was viewed as undesirable. In everyday discourse, the civic meaning of nation is hardly accepted. The author analyzes the political, psychological, and cultural circumstances that prevent or promote the assertion of ethnological concepts and offers his own definitions of the concepts of nation, ethnos, and ethnicity based on a synthesis of the latest developments in social anthropology.

Keywords: nonlinear evolution, nation, nationality, ethnos, ethnicity, ethnography

---

This article was received in May 2023.

References

- Abdulatipov R.G. (1996) *Russia on the Threshold of the XXI Century. The State and Prospects of the Federal System*, Moscow: Slavianskyi Dialogue (in Russian).
- Abdulatipov R.G. (2004) *Ethnopolitology: A Textbook*, Saint Petersburg: Peter (in Russian).
- Ananyina V.T. (2017) *Ethnosociology: Practicum*, Yekaterinburg: Ural University (in Russian).
- Anderson B. (2001) *Imaginary Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*, Moscow: Canon-Press-Ts (in Russian).
- Barth F. (ed.) (1969) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Bergen-Oslo; London.
- Bogoyavlensky D. (2012) 2010 Census Ethnic Cross-section. *Demoscop Weekly*, no 531–532. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Boltunova E. (2021) “I Have Spoken the Word of Truth Before You!”: Alexander I’s Speech in the Grand Duchy of Finland and Congress Poland. *New Literary Review*, no 171, pp. 61–73. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/499500688.pdf>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Bromley Yu.V. (1983) *Essays on the Theory of Ethnos*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Calhoun C. (2006) *Nationalism*, Moscow: Territory of the Future (in Russian).
- Cheshko S.V. (2005) From Soviet Ethnography to Russian Ethnology. *Ethnological Review*, no 2, pp. 8–10. Available at: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/2005/02/eoarchive_2005_2_cheshko.pdf, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Deutsch K. (1966) *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*, Cambridge (Mass.).
- Drobizheva L.M. (2013) *Ethnicity in the Socio-political Space of the Russian Federation. Experience of 20 Years*, Moscow: New chronograph (in Russian).
- Drobizheva L.M. (2017) Civic Identity as a Condition for Weakening Ethnic Negativism. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 7–31. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4875/5238>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Eisenstadt M.P. (2009) *The Power and Society of Britain, 1750–1850*, Moscow (in Russian).
- Emerson R. (1960) *From Empire to Nation. The Rise of Self-Assertion of Asian and African Peoples*, Cambridge: Harvard University Press.
- Glazersfeld E. (2000) Introduction to Radical Constructivism. *Tsokolov S.A. Discourse of Radical Constructivism*, Munich, pp. 74–98 (in Russian).
- Greenfeld L. (1993) *Nationalism: Five Roads to Modernity*, Cambridge: Harvard University Press.
- Komaroff J. (1993) Nationality, Ethnicity, Modernity: The Politics of Self-consciousness at the End of the XX Century. *Ethnicity and Power in Multiethnic States: International conference*, Moscow: Nauka, pp. 35–70 (in Russian).
- Khrushchev N.S. (1961) *On the Program of the Communist Party of the Soviet Union*, Moscow: Politizdat (in Russian).
- Lenin V.I. (1913) Theses on the National Question. *Complete Works*, vol. 23, pp. 315–323 (in Russian).
- Lenin V.I. (1914) On the Right of Nations to Self-determination. *Complete Works*, vol. 25, pp. 258–259 (in Russian).
- Meinecke Fr. (1911) *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*, München; Berlin.
- Miller A. (2012) The History of the Concept of “Nation” in Russia. *Domestic Notes*, no 1, pp. 162–186. Available at: <https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Nam I.V. (ed.) (2016) *The National Question in the Program Documents of Political Parties, Organizations and Movements of Russia. The Beginning of the XX Century*, Tomsk: Tomsk University (in Russian).
- Pain E.A. (2015) Imperial Nationalism: Emergence, Evolution and Political Prospects in Russia. *Social Sciences and Contemporary World*, no 2, pp. 54–71. Available at:

- <https://www.hse.ru/data/2016/03/15/1127650276/Pain%202015%20Imperial%20nationalism.%20Emergenc..d%20political%20prospects%20in%20Russia.pdf>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Pain E.A. (2019) Nationophobes and National Populism: Interrelation in the Conditions of Globalization. *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.31857/S086904990006560-8
- Pain E.A. (2020) Interethnic Relations: Terminology, History, Modern Theories and Place in the System of Public Administration. *Varshaver E.A., Idrisov E.Sh., Markwart E., Pain E.A., Sitnikov A.V., Starodubrovskaya I.V. Management of Interethnic and Confessional Relations: Theory and Practice: Textbook*, Moscow: Prospect, pp. 12–63 (in Russian).
- Pain E.A., Fedyunin S.Yu. (2017) *Nation and Democracy: Perspectives of Cultural Diversity Management*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Rejabek E. (2006) Radical Constructivism: A Critical View. *Questions of Philosophy*, no 8, pp. 67–77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9242802>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Renan E. (2006) What Is a Nation? A Report Read at the Sorbonne on March 11, 1882. *Chronos*, pp. 90–102. Available at: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Sadokhin A. (2008) *Ethnology: Textbook*, Moscow: Gardariki (in Russian).
- Semenov Yu.I. (1966) From the History of V.I. Lenin's Theoretical Development of the National Question. *Peoples of Asia and Africa*, no 4, pp. 106–129. Available at: https://scepsis.net/library/id_2670.html, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Semenov Yu.I. (2006) It Is Hardly Worth Hurrying with a Funeral Prayer for an Ethnic Group. *Philosophy and Society*, no 2, pp. 94–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/toropitsya-s-zaupokoynoy-molitvoy-po-etnosu-vryadli-stoit-ob-osnovnyh-ideyah-knigi-v-a-tishkova-rekviem-po-etnosu-issledovaniya-po-sotsialno/viewer>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Smith A.D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*, Oxford: Blackwell.
- Smith E.D. (2004) *Nationalism and Modernism: A Critical review of Modern Theories of Nations and Nationalism*, Moscow: Praxis (in Russian).
- Shirokogorov S.M. (1923) Ethnos. The Study of the Basic Principles of Changing Ethnic and Ethnographic Phenomena. *Proceedings of the Oriental Faculty of the Far Eastern University*. Issue XVIII. Vol. 1, Shanghai (in Russian).
- Stalin I.V. (1917) Against Federalism. *Pravda*, March 28, 1917. Available at: <https://litlife.club/books/102953/read?page=5>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Stalin I.V. (1938) *Marxism and the National Question*, Moscow: State Institute of Political Sciences Literatures (in Russian).
- Suni R.G. (2007) The Empire as It Is: The Imperial Period in the History of Russia. *Nationalism in World History* (eds. Tishkov V.A., Shnirelman V.A.), Moscow: Nauka, pp. 36–81 (in Russian).
- Suni R.G. (2014) Soviet and National: Unity of Contradictions. *Soviet Nations and National Politics in the 1920s-1950s: Proceedings of the VI International Scientific Conference*. Kyiv, October 10-12, 2013, Moscow: Political Encyclopedia, pp. 17–40 (in Russian).
- Tavadov G.T. (2002) *Ethnology: Textbook for Universities*, Moscow: Project (in Russian).
- The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee* (1970), vol. 1, Moscow (in Russian).
- Tishkov V.A. (1992) Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis. *Ethnographic Review*, no 1, pp. 7–8 (in Russian).
- Tishkov V.A. (1998a) Forget about the Nation. *Questions of Philosophy*, no 9, pp. 3–26 (in Russian).
- Tishkov V.A. (ed.) (1998b) *Peoples and Religions of the World*, Moscow: The Great Russian Encyclopedia (in Russian).
- Tishkov V.A. (2003) *Requiem for Ethnos: A Study in Socio-cultural Anthropology*, Moscow: Nauka (in Russian).

- Tishkov V.A. (2016) From Ethnos to Ethnicity and After. *Ethnographic Review*, no 5, pp. 5–22 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2020) Where and Where Russian Ethnology Came From: A Personal View in a Global Perspective. *Ethnographic Review*, no 2, pp. 72–92. Available at: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2680.pdf>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2023) *Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia*, Moscow: IEA RAS (in Russian).
- Udovitskaya T.A. (2017) *Ethnography and Ethnosociology: Methodological Recommendations for Students*, Kharkiv: NUA (in Russian).
- Yurin A.N. (2018) The Role of the Concept of “Nation” in Understanding the Historical and Socio-political Experience of Modern Germany. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, no 8 (41), pp. 25–46 (in Russian). DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-25-46